

Вечером, после обряда поминаения матери и старшего брата Шинаня, супруги сели за стол. Как и ожидалось, от «лотосовых сэндвичей» (оу-цзя) не осталось и следа, зато стол ломился от множества других домашних блюд...

Каждая семья, которой Вэй Цю днем посылал маринованное мясо, отправила в ответ свои угощения вместе с ребятишками.

Чэн Шинань сидел у стола с видом величайшей обиды.

Вэй Цю не удержался от смешка: — Ну ладно тебе! Ешь давай! — Смотри, сколько всего вкусного! А оу-цзя я тебе через пару дней еще раз приготовлю.

Шинань покорно кивнул и взялся за палочки.

— Попробуй вот эту рульку. Я её сначала замариновал, а потом еще раз обжарил в масле. Сейчас корочка хрустящая, а мясо нежнейшее.

Шинань взял кусочек и распробовал: — Совсем не жирно. Кожица и правда хрустит, а присыпка из сычуаньского перца и чили — просто объедение.

Вэй Цю положил ему кусок побольше: — Ешь не спеша, сегодня праздник!

— Ты тоже ешь! — Шинань выбрал кусочек попостнее и переложил мужу.

Вэй Цю откусил: — Аромат маринада отличный, удалось на славу!

— Сегодня пасмурно... интересно, увидим ли мы луну? Густые тучи почти полностью скрыли светило, наружу выглядывал лишь острый кончик полумесяца.

Они сидели под деревом при свете масляной лампы, потягивая вино и поджидая, когда луна пробьется сквозь облака.

— Ши-гэ, не пей так много! — предостерег Вэй Цю, видя, что два кувшина рисового вина уже опустели.

Шинань сегодня прилично приложился. Это вино было покрепче их сливовой настойки, завтра голова будет раскалываться.

Шинань завороченно смотрел на Вэй Цю: — Я сегодня счастлив, Цю-цю!

Вэй Цю невольно улыбнулся: — Да знаю я! Весь вечер ходишь и втихомолку сияешь как медный грош, думаешь, я не заметил?

Шинань придвинулся ближе и обнял Вэй Цю. Вспоминая слова Мэн Цюаня, он ощутил в душе глубокий покой: его жизнь действительно стала полной и совершенной!

Вэй Цю, внезапно оказавшись в кольце горячих объятий, слушал частое биение сердца мужа и сам не заметил, как его губы тронула нежная улыбка.

Так радостно и гармонично прошел их первый совместный праздник Середины осени. Конечно, если забыть о том, как кое-кто на следующее утро валялся в постели, обнимал его и капризничал, уверяя, что голова не пройдет, пока её сто раз не поцелуют... тогда этот праздник был бы совсем идеальным.

Но праздничное веселье сменилось страдой. Наступила горячая пора сбора урожая, и первым делом нужно было убирать рис.

В этот раз Вэй Цю не стал слушать Шинаня. Три с лишним му (около 0.2 га) поля — это не шутки! Закатав рукава, он еще до рассвета отправился в поле вместе с мужем. Шинань порывался унести его домой на плече, но Вэй Цю просто уселся на межу и наотрез отказался уходить. Шинань только глазами вращал от злости, но сделать ничего не мог.

Пришлось оставить его в покое. В конце концов, Шинань был уверен, что с такими тонкими ручками и ножками много тот не накосит. И он оказался прав. Не успел Вэй Цю скосить и трех «фэней» (сотых частей му), как скрылся из виду в золотистом море колосьев.

Шинань работал с невероятной скоростью и уже убрал пол-му. А Вэй Цю всё возился на своем пятакке. Лицо покраснело от жары, на нежных ладонях вздулись пять-шесть водянистых мозолей, но он упрямо продолжал...

Видя это, Шинань не выдержал. С суровым лицом он подошел, отобрал серп и нашел мужу работу полегче — связывать скошенные охапки риса в снопы. Вэй Цю, почесывая зудящую щеку, как послушная женушка, семенил следом за мужем. Они работали слаженно: один косил, другой связывал.

Несколько дней подряд они вставали затемно и возвращались в сумерках. Днем под палящим солнцем заканчивали косьбу, а после обеда тащили в поле молотилку — специальный деревянный короб, о края которого с силой били снопами, чтобы зерно осыпалось внутрь...

Потом зерно тащили домой на просушку. И так по кругу. Спустя несколько дней изнурительного труда жатва была окончена. Глядя на заваленный рисом двор, Вэй Цю светился от счастья: теперь у них есть свое зерно!!! Правда! Тот, кто не пережил настоящий сбор урожая своими руками, не поймет его нынешних чувств.

Вечером, после купания, они сидели на кане. Шинань растирал плечи мужа лечебным вином...

— А-а... больно, больно! Полегче! — Вэй Цю втягивал голову в плечи и морщился.

Шинань с мрачным видом продолжал растирание, ничуть не убавляя силы: — Будешь знать, как не слушаться! Говорил же — не ходи, так нет, пошел! Упрямец!

— С-с... Ши-гэ, ну полегче... больно же! — от крепких рук Шинаня у Вэй Цю слезы наворачивались на глаза.

Все эти дни Вэй Цю бегал за ним хвостиком, выкладываясь на полную. Никакие уговоры отдохнуть не помогали — стоял на своем насмерть. Закончив массаж, Шинань с тяжелым лицом ушел мыть руки, даже не попытавшись, как обычно, утешить мужа — гнев в нем еще не остыл.

Вэй Цю вытер глаза и подумал: «Этот большой дурень еще меня упрямым называет! Сам упахивается до полусмерти, а другим даже пожалеть его не дает!» От этой мысли ему стало так обидно, что он сердито отвернулся к стенке и лег.

Шинань вошел, увидел обиженную маленькую фигурку на кане, смягчился, задул лампу и лег рядом. Вздыхнув, он притянул Вэй Цю в объятия, тот что-то пробурчал, но вырываться не стал.

Так, немного повздорив, они проспали до утра. Рассвело, Шинань рассыпал зерно на просушку,

принес завтрак и поставил столик прямо на кан. Затем он, как заботливая нянька, поднял мужа, протер ему лицо полотенцем, помог прополоскать рот...

Вэй Цю отчаянно хотел спать и даже глаз не открывал, позволяя мужу так безмолвно и неуклюже просить прощения. Шинань не проронил ни слова, но буквально окружил его заботой — даже ложку к самому рту подносил. Вэй Цю, находясь на грани сна, и злился, и хотел рассмеяться... Кое-как он съел этот завтрак, даже не поняв вкуса, после чего Шинань снова уложил его, прикрыл глаза ладонью и велел досыпать.

Вэй Цю: «.....»

После такой «принудительной деактивации» он проснулся только к полудню. Снаружи доносился скрежет бамбуковых граблей по земле. Шинань ворошил рис. Вэй Цю сладко потянулся, на прохладной циновке мелькнула полоска его тонкой белой талии.

Удивительное дело — его тело совершенно не загорало. Даже если он сильно обгорал, кожа просто краснела, а через некоторое время снова становилась белой. Шинань за эти дни потемнел на несколько тонов, а Вэй Цю остался прежним.

Вспомнив о «черном» глупыше снаружи, Вэй Цю страдальчески схватился за голову. С этим мужчиной сладу не было никакого: деспотичная забота в чистом виде!

Стоило Вэй Цю взяться за что-то тяжелое, Шинань тут же багровел от злости. И ведь слова грубого ему не скажешь — он сразу делает такой честный и обиженный вид, смотрит на тебя так жалобно, что ты и сказать ничего не успеваешь, как сердце уже разрывается от жалости к нему.

Вэй Цю закрыл лицо руками. Любовь — это действительно самый быстрый способ изменить человека! Вспомнить только того неразговорчивого, сурового парня, каким он был вначале! И посмотреть на этого «черного» дуралея сейчас...

Вэй Цю воззрился в потолок, мысленно повторяя: «Сам выбирал, сам выбирал!» ...

Кое-как собравшись, Вэй Цю поспешил на улицу, иначе обед ему снова принесут прямо в постель... Шинань с голым торсом мыл руки у колодца. Ах да... колодец им вырыли на второй день после праздника.

Мастера из города выбрали место слева от ворот, под деревом османтуса — всего два шага от кухни. Теперь с водой стало просто.

Увидев, что Шинань от жары собрался окатить голову ледяной колодезной водой, Вэй Цю закричал: — Чэн Шинань! Сколько раз тебе говорить — не смей лить холодную воду на голову!

Шинань от неожиданности пошатнулся. Вэй Цю увидел, как тот едва не поскользнулся, и губы сами поползли в улыбке, но он вовремя взял себя в руки — смеяться нельзя! Шинань вытер капли с лица и виновато улыбнулся.

Вэй Цю сердито сверкнул глазами. — Не думай, что твоя улыбка тебе поможет! Сколько раз сказано: нельзя разгоряченным лить холодную воду на голову. Она же ледяная! А если удар хватит? А если голова разболится?

Шинань подошел вплотную: — Цю-цю, ты больше не сердишься?

Вэй Цю фыркнул: — Сержусь! Я, между прочим, тоже мужчина, что такого, если я немного поработаю?

— В деревне все так живут. Посмотри на Линь-гэра, да даже Юнь-нян и Ин-эр покрепче меня будут — они эти мешки с зерном таскают только так! — Я же не неженка какой, почему мне в поле нельзя? А ты еще и дуешься. Посмотри, как ты вымотался. Ты за меня переживаешь, а я за тебя не могу, что ли? — Вэй Цю был полон праведного возмущения.

Шинань выслушал эту отповедь. Сначала он хотел возразить, но услышав последнюю фразу, не смог сдержать прилива нежности.

Он взял Вэй Цю за руки и серьезно сказал: — Мне всё равно, как живут другие мужья и жены. Но ты — мой фулан. У меня есть силы дать тебе всё лучшее, и я хочу, чтобы ты жил, не зная забот и тягот.

Шинань стоял с таким непоколебимым видом «буду баловать тебя и точка», что Вэй Цю только и оставалось, что вздохнуть: — Ясно... опять день, когда до тебя не достучаться.

<http://bllate.org/book/17091/1600959>